

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

МАНИХЕЙСТВО – ПОКАЗАТЕЛЬ КОНТАКТОВ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Угдыжеков Э. В.

УДК 273. 21

В работе рассмотрены разные подходы к изучению влияния манихейства на мировоззрение, традиции, культуру населения средневековой Хакасско-Минусинской котловины. Для более широкого понимания сути манихейства как религии, как секты рассмотрено мнение философов, манихеев, христианских теологов.

Ключевые слова: манихейство, Хакасско-Минусинская котловина, религия, секты, мировоззрение, Передняя Азия.

В последние годы автор данной публикации обратил внимание на внешнеэкономические контакты древнего и средневекового населения Хакасско-Минусинской котловины. Одним из многих факторов, демонстрирующих контакты населения ХМК с внешним миром, является манихейство.

Как известно, основателем религиозного учения манихейства является Мани (216–276). Он, путешествуя в конце 230-х гг. по Ирану, Средней Азии и Индии, познакомился с буддизмом, брахманизмом, местными религиозными культурами. В начале 240-х гг. Мани начал проповедовать свое учение в Иране, но быстро вступил в конфликт с шахом из-за религиозных разногласий с христианством, местными культурами и зороастризмом. В последующие годы Мани проповедовал свое учение в соседних странах, где получил много последователей. Когда он вернулся в Иран, то был заключен в тюрьму, где был казнен. Мани оставил несколько религиозно-этических сочинений, некоторые из которых сохранились до наших дней [1, с. 26]. В основе манихейства как религиозного учения лежит принцип дуализма, который утверждает извечность борьбы двух богов, где один бог воплощает добро, свет, т. е. дух, а другой – зло и тьму, т. е. материю. Окружающий материальный мир манихейство считает воплощением зла, а цель мирового развития – «спасе-

ние» частиц света, заключенных в душе человека, от власти материи. Эта цель достигалась крайним аскетизмом: отказом от мяса и некоторых видов растительной пищи, обетом безбрачия, требованием не касаться руками всего «тленного». Стройная организация сект манихеев оформилась в конце III – начале IV в. Манихейские секты распространились на Ближнем Востоке, в восточных областях Римской империи, в Средней Азии, в Индии, в Китае. Однако принятие христианства в качестве государственной религии Римской империи положило начало преследованию манихейства. Возникший ислам в VIII–IX вв. продолжил преследование манихейских общин, но в некоторых областях Средней Азии и Восточного Туркестана манихейские общины существовали еще очень долго, а в Уйгурском каганате манихейство на несколько десятилетий было объявлено официальной религией. Пессимистическая проповедь аскетизма привела к вырождению манихейства в узкое сектантство к XIII в. [2, с. 35].

Как видим, в официальных советских исторических энциклопедиях информация о распространении манихейства в Хакасии, в Хакасско-Минусинской котловине отсутствует. Поэтому публикация известного археолога Л. Р. Кызласова об открытии так называемого северного манихейства вызывает интерес. Л. Р. и И. Л. Кызласовы постарались представить ряд разнопла-

новых доказательств, включая информацию о стране манихеев мыслителя – Абу-р-Райхан ал-Бируни, писавшего на арабском языке [3].

По мнению Л. Р. Кызласова, Мани считал зороастризм, христианство, буддизм одной и той же правильной верой, которая была искажена людским непониманием. Поэтому Мани решил, что его призвание восстановить правильную веру, что он – «посланник бога Истины», т. к. он – Мани – трудолюбивый ученый и писатель. По принятой традиции Мани изложил канон своего учения в семи книгах, сам изобрел манихейскую письменность на основе арамейского письма, был одаренным художником, выработавшим стиль миниатюр для украшения манихейских книг. В манихействе большая роль отдавалась астральным культам, которые производились «людьми в белых одеждах». Так стали называть манихейских астрологов-звездопоклонников и астрономов, так как они носили белые головные уборы и белые одеяния [4, с. 10]. Северное манихейство, которое, по мнению Л. Р. Кызласова, определяется по таким признакам, как остатки культовых сооружений и зданий, как изображения муже-дев, как фраза «худай» (о боже), которую специалист-тюрколог Р. Д. Сунчугашев и этнограф Е. В. Самрина считают персидским заимствованием [1].

«Кудай ‘небо’; *рел.* ‘Верхний мир, небожители’. Ср. алт. *кудай* ‘бог, божество; духи-небожители, обитающие в верхней среде, т. е. на небе’, хак. диал., алт. диал., шор., каз., кирг. *кудай* ‘бог’, чул.-тюрк. *кудай* ~ *кутай* то же, хак. *худай* ‘бог, господь’; перен. ‘религия’, турк. *худа*: й, С. 260. тат. *хода(й)* ‘бог, всевышний’. Считается персидским заимствованием (<*huddāy*). Тув. *кудай* ранее, вероятно, означало ‘Верхний мир, небожители’, а затем приобрело значение ‘небо как место обитания божеств’ (>‘небо’). В тувинских шаманских камланиях *кудай* обозначает небо как материальную субстанцию и как «мифическое небо, где живет род небесных шаманов» [5, с. 259–260].

Слово «худай» использовалось как в этнографическое время, так и в настоящее время хакасами. Однако прямая связь слова с манихейством – вопрос дискуссионный. Факт заимствования слова из персидского языка не является

доказательством того, что это слово заимствовано непосредственно из манихейства, а не из различных персидских местных культов, зороастризма, митраизма и других древних культов Передней Азии.

Интересен довод в пользу существования манихейства в Хакасии, представленный И. Л. Кызласовым. Он обнаружил в Хакасии, близ озера Фыркал, на скале Крес-хая руническую надпись, перевод которой позволяет говорить о ней как о манихейской: «Вложите совершенную душу (буквально: нутро)» [6, с. 188]. Другие рунические надписи, по мнению И. Л. Кызласова, тоже можно понимать как манихейские: похвалы за благоустройство земель, текст: «благое преумножается путем уничтожения греховного» [4, с. 36].

Важным фактором, подтверждающим существование манихейства у средневекового населения Хакасско-Минусинской котловины, являются высказывания Абу-р-Райхана Мухаммеда Ибн-Ахмед Ал-Бируни о Мани и манихействе. Арабский мудрец сообщает о загадочной северной стране, принявшей манихейство в раннем средневековье [7, с. 188]. Однако, как известно, вопросы религии – вопросы тонкие, деликатные, и информация от путешественников о вероисповедании народа далекой загадочной северной страны заведомо зыбкая система доказательств.

Таким образом, представленные факты о манихейской религии позволяют допустить мысль о культурных и экономических связях населения Хакасско-Минусинской земли с народами Передней Азии в раннем средневековье. Однако свидетельства, что слово «худай» и подвязывание «чалама» – доказательство манихейства – логически сильно размыты. Время, когда манихейство официально прекратило существовать в Хакасии, не установлено. Данный вывод требует дальнейших исследований и уточнений.

Действительный член Петровской академии наук и искусств Н. И. Рыбаков обратил внимание на несовпадение манихейской терминологии с современными определениями ментальности. Поэтому попытки строить «модели» прошлого на основе ограниченных доступных свидетельств являются угрозой потери достоверности о реальном манихействе. Угасшая религия

не представлена в живых институтах, в устной культуре, в социальной среде, которые могли стать предметом современного научного анализа. Есть данные об андрогинности камнеграфического искусства – изображений енисейских «загадочных фигур» – муже-дев, но Н. И. Рыбаков поясняет, что название «муже-девы», или «андрогины», – современная интерпретация, что сами они говорили о себе как о «братьях и сестрах», о «девах и девственницах», об «Избранниках и Избранницах», «о девах чистых, невестах светлого жениха (Иисуса)». Сами манихеи допускали по отношению к своей внешности то, что они облачены в женские одежды. Ссылаясь на аль-Бируни, Н. И. Рыбаков говорит о манихеях как о воинстве, проживающем в стране, где «нет мужчин и женщин и нет половых органов», отмечая, что культ двуполости – древняя традиция Востока, отражающая стремление к единству с «двуполым прасуществом, или прародителем», что это древний лейтмотив инициационных церемоний, распространенный на большой территории дохристианского мира. Автор, опираясь на источники и работы исследователей, представил данные о существовании таких традиций в дохристианских религиях Азии, Африки и Европы. По мнению Н. И. Рыбакова, тайна всех древних религий: история женщины – символ, имеющий необходимость стать мужчиной, чтобы достичь совершенства, мистического воссоединения мужчины с прасуществом (первоматерью) [8, с. 14]. Подобная проблематика близка и зороастризму.

Н. И. Рыбаков, говоря об облике енисейских загадочных фигур с такими признаками, как длиннополые одеяния, детали убора и другими атрибутами, сообщает, что первооткрыватель фигур изначально отнес их к традиции жречества, считая их изображением священнослужителей, жрецов-духовников, адептов каких-то пришлых религиозных сообществ. Но фрагменты сведений о переодевании шамана в деву не могут быть продвинуты дальше объяснения психофизиологического начала в человеке (мужского и женского) и «ритуальной двуполости шамана» [8, с. 15]. Н. И. Рыбаков, ссылаясь на широкий круг первоисточников и исследований ученых, отмечает гностический характер многих

дохристианских религий, включая тем самым манихейство в широкий круг гностических течений [9, с. 202].

Первые люди – Адам и Ева, их потомки – поле битвы светлых и темных сил. Адама просветил Иисус-Сияние, воплощенный в Еву, который (Адам) вкусил яблоко с дерева познания, что среди гностиков и манихеев считается благом. Отсюда гностическо-манихейская полемика «вопросов и ответов», «что было, что есть и что будет». Отсюда предложение О. Менхен-Хельфена, поддержанное Н. И. Рыбаковым и рядом других исследователей XX в.: несмотря на сложность осмысления «загадочных фигур», «принять предложенное решение: они – манихеи» [8, с. 16]. Н. И. Рыбаков представил подробное описание обнаруженных им памятников, анализ которых привел его к выводу о манихейском характере изображений. Он пояснил, почему эти материалы, как и материалы других исследований, не могут считаться несторианскими или чисто таштыкскими. Кое-что пояснит факт неоднократной обводки как «таштыкских», так и «средневековых» изображений, так как мотивы отводок не просты. Н. И. Рыбаков считает изображения «Муже-дев в мантиях» – «неким подвижным элементом гностической религиозной структуры» во взаимосвязях культур Средневековья. Но у исследователя нет ответа на вопрос, какая секта манихеев пришла на Енисей, нет хронологии их продвижения, есть данные китайских хроник, есть рассуждения современных ученых [8, с. 17–20].

Теперь рассмотрим труды древних мыслителей, астрономов, теологов, которые контактировали непосредственно с представителями манихейского учения.

Обратим внимание на точку зрения св. Августина, который много лет разделял взгляды манихеев, но со временем стал не просто христианином, а одним из отцов христианской теологии. «Ведь анатомия со всей ясностью показала, что они (мысли) берут начало в мозге». И еще св. Августин писал: «Qui ex puncto cerebri centro sensus omnes quinarum distribuone diffudit». Перевод: «Который [Бог] распространяет все чувства по пяти направлениям из точки мозга, как из центра» [10, с. 28, 368]. И далее: «Ибо,

как не раз замечает св. Августин, человек со времени грехопадения до такой степени привык уделять внимание одним лишь телесным вещам, образы которых входят в наш мозг через чувства, что большинство людей полагают, будто они не могут помыслить вещь, если они не в состоянии ее вообразить, т. е. представить себе в каком-либо телесном образе, как будто у нас есть только один способ мыслить (*penser*) и представлять (*concevoir*)» [10, с. 32–33]. Французские философы XVII в. – последователи Рене Декарда – демонстрируют способ умозаключения, в котором гибко сочетаются здравый смысл и способность распознавать истину и ложь.

«Как совершенно справедливо заметил св. Августин в своей книге «О пользе веры», подобное расположение ума весьма предосудительно по двум причинам. Во-первых, человек, безосновательно убежденный, что он знает истину, становится неспособным ее воспринять. Во-вторых, эта самоуверенность и чрезмерная смелость не говорят о ясном уме. *Opinari, duas ob res turpissimum est, quod discere non potest qui sibi jam se scire persuasit, et per se ipsa temeritas non bene affecti animi signum est* (С. 369. Мнить, [а не знать], весьма постыдно по двум причинам: ведь не может учиться тот, кто убедил себя, что уже владеет знаниями, да и сама по себе самоуверенность является признаком малоодаренной души») [10, с. 45, 369].

Как видим, последователи основателя рационализма строго различают простые умозаключения, основанные на фактах и умозаключения, не основанные на фактах, которые часто выводят нас к проблемам религии, требующим веры. Перейдем к рассмотрению взглядов непосредственно Августина, который долгие годы был убежденным сторонником манихейства, был членом манихейских сект, но, став зрелым человеком, принял христианство, а еще позже объявлен святым Августином. Известный философ, логик, математик, социолог XX в., лауреат Нобелевской премии по литературе Бертран Рассел провел анализ деятельности Августина, опираясь на его труды.

Св. Августин родился в 354 г. в Северной Африке – провинции Римской империи, здесь он провел большую часть жизни. Августин в моло-

дости придерживался манихейства и стал католиком, находясь уже в Милане в 386 г. В 396 г. он был назначен епископом городка Гиппона, недалеко от Карфагена. Здесь он прожил до своей смерти в 430 г. В молодости он изучал риторику, потом обратился к философии, занимался астрологией, к которой в поздние годы относился враждебно. Причиной изменения отношения к манихейству стала астрономия, так как астрономическое объяснение солнцестояний, равноденствий, смены времен года, смены дня и ночи даже самый ученый последователь манихейства объяснить Августину не смог. Он назвал манихейство религией, впавшей в религиозное заблуждение, которое выдается с авторитетным видом за истину, познанную с помощью божественного вдохновения. Для разрешения сомнений Августин побеседовал с манихейским епископом Фавстом, считавшимся самым ученым в секте. Фавст признался, что не имеет познаний в свободных науках, что он читал речи Цицерона, немного сочинений Сенеки и не разбирается в астрономии. В итоге Августин заявил, что книги манихеев «...наполнены нескончаемыми баснями о небе и звездах, о Солнце и Луне, которые не согласуются с тем, что было открыто астрономами». Честность Фавста вызвала уважение Августина. «По-моему, сдержанная скромность и сознание в своем незнании лучше кичливой заносчивости и притязаний на знание; таким и являлся мне Фавст при всех вопросах более трудных и утонченных» [11, с. 325–331]. Став ревностным католиком в последний период жизни, Августин относился к еретикам намного строже. Потеряв уверенность в правоте манихеев в астрономии, Августин продолжал поддерживать связь с ними, так как соглашался с их мнением, что «когда мы грешим, то это не мы грешим, а грешит в нас не знаю какая-то другая природа», и считал, что зло является некоей субстанцией. То есть еще до перехода в христианство Августин задумался о проблеме греха. Еще раньше Августин увлекался скептицизмом. Обращение Августина в христианство произошло в Милане после длительных бесед с известным и «знаменитым мужем целого мира» – Амвросием. Обращение Августина ускорила мать-католичка, приехавшая в Милан [11, с. 325–331].

Из древнегреческих философов Августин познакомился с трудами неоплатоников, некоторые из них были переведены с греческого языка на латинский. Августин нашел в платонизме метафизическую доктрину логоса, но не нашел ни доктрины воплощения, ни вытекающей из него доктрины человеческого спасения. Доктрины, подобные идеям Платона, существовали в орфизме и других мистических религиях, но они, видимо, были незнакомы Августину. На основе идей Платона Августин разорвал с дуализмом манихеев, считая, что зло происходит не от некоей субстанции, а от извращенности воли. Вернувшись в Африку, занимаясь обязанностями епископа, Августин взялся за полемические сочинения «против различных еретиков – донатистов, манихеев и пелагиан» [11, с. 332]. Рассел, анализируя труды св. Августина, считает лучшим из философских сочинений св. Августина – книгу одиннадцатую «Исповеди». В первой главе Книги бытия Августин отстаивает библейскую версию против манихеев, говоря о сотворении мира Богом из ничего при первой возможности [11, с. 333]. Эта идея была неведома греческой философии. Платон, говоря о сотворении мира, считал, что Бог придал форму первичной материи, с ним был согласен и Аристотель. Субстанция вечна, только форма существует благодаря воле Бога [11, с. 334].

Рассел, излагая идеи св. Августина, говорит, что «побуждение к греху возникло из души, а не из плоти. Платоники и манихеи заблуждаются, приписывая происхождение греха природе плоти, хотя платоники и более терпимы, чем манихеи» [11, с. 339].

Рассел считает, что св. Августин, развивая свою теорию времени, предвосхитил субъективную теорию времени Канта. Субъективизм имеет более ранний интеллектуальный аспект и более поздний эмоциональный аспект. Эмоциональный аспект субъективизма – одержимость чувством греха [11, с. 335]. Несмотря на отказ от манихейства, видимо, одержимость чувством греха во взглядах Августина, кроме христианских черт, сохраняет и манихейское влияние.

По мнению Рассела, субъективизм св. Августина предвосхитил как теорию времени Канта, так и *cogito* Декарта, что ставит Августина как

философа на высокое место [11]. Однако эта теория сделала время существующим в нашем уме, а не в природе.

Стоики осуждали всякие страсти, а св. Августин считал, что есть страсти, волнующие души христиан, которые могут побуждать их к добродетели; «гнев или сострадание *per se* (сами по себе – *лат.*) не должны предаваться осуждению», надо выяснить причину этой страсти. Платоники – правильное воззрение о Боге, но заблуждались о богах. «Заблуждались они и в том, что не признавали доктрины воплощения» [11, с. 338]. Адам и Ева согрешили и стали смертны, их дети и потомки тоже стали смертны. «Съедение яблока – не только естественная смерть, но и вечная смерть, то есть проклятие» [11, с. 339]. «Грехи Адама ввергли бы в вечную смерть (то есть проклятие) всех людей, если бы многих не спасла от нее благодать Божья. Побуждение к греху возникло из души, а не из плоти. Платоники и манихеи заблуждаются, приписывая происхождение греха природе плоти, хотя платоники и более терпимы, чем манихеи». Возмездие человеческому роду за грех Адама – справедливо, ибо через этот грех человек сделался и по плоти духовным, и плотским по духу [11]. Как известно, Августин в молодости не вел ангельскую жизнь, одновременно в свободное время он рассуждал о проблеме греха. Порвав с манихейством и став католиком, он отвел много места в своей «Исповеди» рассуждениям о природе греха.

Считаем, что однозначно разобраться в сути манихейской религии для человека начала XXI в. почти невозможно. Однако, собрав разносторонние факты о манихейской религии, о людях, непосредственно знакомых с манихейством, с близкими к манихейству религиозными течениями, мы можем сказать следующее: манихейство входило в широкий круг религиозных воззрений, которые теологи, философы, современные историки религии называют широким течением гностических учений, предшествующих распространению ортодоксального христианства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мани // Советская историческая энциклопедия. Т. 9. Мальта – Нахимов / Гл. редактор Е. М. Жуков. – М., 1966.
2. Манихейство // Советская историческая энциклопедия. Т. 9. Мальта – Нахимов / Гл. редактор Е. М. Жуков. – М., 1966.
3. Манихейский семинар. Открытие государственной религии средневековых хакасов. Кызласов, Л. Р. Северное манихейство и его роль в развитии народов Сибири и Центральной Азии. Мани и манихейство. По свидетельствам Абу-р-Райхан ал-Бируни (с приложением рецензии В. В. Розена на издание арабского текста «Индии» Бируни / Редактор и составитель серии д. и. н. И. Л. Кызласов. – Абакан, 1999.
4. Кызласов, Л. Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Открытие государственной религии древних хакасов. Хакасская археологическая экспедиция. Университетская библиотека. Книга 2. Манихейский семинар. Выпуск 1 / Редактор и составитель серии д. и. н. И. Л. Кызласов. – Абакан, 1999.
5. Татаринцев, Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Т. III. К, Л. – Новосибирск, 2004.
6. Кызласов, И. Л. Рунические письменности евразийских степей. – М., 1994.
7. Абу-р-Райхан ал-Бируни о Мани и манихействе // Манихейский семинар / Редактор и составитель серии д. и. н. И. Л. Кызласов. – Абакан, 1999.
8. Рыбаков, Н. И. Вопросы северного манихейства // Енисейская провинция. Альманах. Выпуск 3; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. – Красноярск, 2007.
9. История философии в кратком изложении / Пер. с чеш. И. И. Богута. – М., 1991.
10. Арно, А. и Николь, П. Логика, или Искусство мыслить. – М., 1991.
11. Рассел, Б. История западной философии. В 3 кн.: 2-е изд., испр. / Подгот. текста В. В. Целищева. – Новосибирск, 1997.

ДРЕВНИЕ КЫРГЫЗЫ (ХАКАСЫ) И ОГУЗЫ (ТУРКМЕНЫ) ПО ДАННЫМ «ОГУЗНАМЕ» И КИТАЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Соегов М.

УДК 903

В статье путем сравнения данных имеющихся источников подвергались новому освещению отдельные вопросы истории древних предков современных туркмен и хакасов. Автор предпринял попытку ввести в научный оборот новый перевод китайского источника, рассказывающего о древних кыргызах.

Ключевые слова: **древняя тюркская история, Мао-Дун/Огуз-хан, хунну, огузы, кыргызы, перевод источников.**

Главный визирь и придворный историк государства Хулагуидов (Ильханидов) в Иране Рашид-ад-дин Фазлуллах Хамадани (1247–1318), еврей по национальности, в главе об огузах и туркменах («Огузнаме») своего четырехтомного труда «Сборник летописей» («Джами' ат-таварих») писал: «С течением времени эти народы (т. е. тюрки – М. С.) разделились на

многочисленные роды, [да и] во всякую эпоху из каждого подразделения возникали [новые] подразделения, и каждое по определенной причине и поводу получило свое имя и прозвище, подобно **огузам**, каковой народ теперь в целом называют **туркменами** [туркман], они же разделяются на **кипчаков, калачей, канлы'ев, карлуков** и другие относящиеся к ним племена» (курсив наш